

Къ вопросу объ ассоціацияхъ идей.

Ученіе объ ассоціацияхъ представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ отдѣловъ психологіи. Начинаясь анализомъ простѣйшихъ психическихъ фактовъ, оно приводитъ къ раскрытію образованія сложнѣйшихъ психическихъ величинъ и, если принять во вниманіе, что вся психическая дѣятельность находится въ зависимости отъ вліяній внѣшняго міра, то будетъ очевидно, что изученіе внутренней группировки получаемыхъ нами отъ органовъ чувствъ матеріаловъ дастъ намъ характеристику большей части психическаго содержанія чловѣка.

Всѣ существующія ассоціаціи обыкновенно раздѣляются на двѣ большія группы: на ассоціаціи по сходству и ассоціаціи по смежности. Ассоціаціи по сходству называются еще внутренними ассоціациями, а ассоціаціи по смежности — внѣшними ассоціациями.

Далѣе, ассоціаціи по смежности, или внѣшнія ассоціаціи, въ свою очередь раздѣляются на ассоціаціи одновременныя или, что то же самое, смежныя по пространству и на ассоціаціи послѣдовательныя, или ассоціаціи по смежности во времени.

Наконецъ, между ассоціациями внутренними различаются ассоціаціи по смыслу, или по логической зависимости и др.

Такого рода дѣленіе можетъ быть проведено очень далеко, но самое подробное различеніе не подвинетъ насъ ни на шагъ въ пониманіи психическаго процесса. Поэтому, прежде чѣмъ изучать формы ассоціаций, мы обратимся къ изученію условій ихъ происхожденія и тогда тотчасъ раскроется и все разнообразіе формъ, въ которыхъ ассоціаціи могутъ возникнуть.

Относительно фізіологическихъ условій образованія ассоціаций всегда необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

Мы почти никогда не воспринимаемъ отдѣльныхъ ощущеній. Психическое содержаніе наше составляется изъ тѣхъ величинъ, которыя можно назвать первыми сложными элементарными психическими величинами, — изъ воспріятій. Каждое воспріятіе состоитъ изъ суммы ощущеній. Такъ какъ для каждаго отдѣльнаго ощущенія мы должны допустить извѣстный фізіологическій эквивалентъ, то мы можемъ считать такимъ эквивалентомъ возбужденіе перваго анатомическаго элемента, изъ множества которыхъ слагается центральная нервная система, — возбужденіе нервной клѣтки. Слѣдовательно, для воспріятія мы должны принять возбужденіе уже извѣстной суммы нервныхъ клѣтокъ.

Это — первый продуктъ ассоціаціи и первая ея ступень. Если мы пожелаемъ обозначить какъ-нибудь эту ассоціацію, то естественно, ее надо назвать ассоціаціей по смежности. Я предпочитаю, однако, называть ее ассоціаціей по одновременности появленія.

Одновременно возникаетъ обыкновенно не одно, а нѣсколько воспріятій, — слѣдовательно, возбуждаются различныя группы клѣтокъ.

Къ этому слѣдуетъ присоединить и возбужденіе соединительныхъ путей, что имѣетъ даже первостепенное значеніе для большинства одновременныхъ возбужденій мозговой коры: если возбуждается группа клѣтокъ А, то возбужденіе передается по функционировавшимъ уже ранѣе путямъ, вслѣдствіе чего облегчается его передача на группу клѣтокъ В, и тогда возникаетъ другое воспріятіе, раньше возникавшее одновременно съ первымъ.

Такимъ образомъ, безъ этихъ путей, соединяющихъ одну клѣтку съ другой, самая теорія ассоціацій, казалось бы, не можетъ существовать.

Однако, анатомическія изслѣдованія не обнаружили до настоящаго времени существованія соединительныхъ волоконъ между всѣми клѣтками. Это обстоятельство можетъ имѣть три толкованія.

Во-первыхъ, мы просто, можетъ быть, еще не нашли этихъ соединеній. Значитъ, виноваты наши способы изслѣдованія.

Во-вторыхъ, можетъ быть пути эти развиваются по мѣрѣ развитія мозга и будущее человѣчество будетъ обладать значительно болѣе развитой ассоціаціонной сѣтью, чѣмъ мы. Мозгъ чело-вѣка увеличивается по мѣрѣ увеличенія его интеллектуальнаго

развитія, и это увеличеніе мозга должно, очевидно, сопровождаться образованіемъ какихъ-то новыхъ элементовъ, и нѣтъ ничего невозможнаго, что этими новыми элементами и будутъ вновь возникшія соединенія между клѣтками, которыхъ еще нѣтъ теперь. Отсюда слѣдуетъ, что клѣтки, не соединенныя между собою, у человѣка настоящей эпохи не функционируютъ.

Въ-третьихъ, можетъ быть, существованіе непосредственныхъ соединеній между клѣтками не всегда необходимо для образованія ассоціацій, т. е. для одновременнаго возбужденія различныхъ частей мозговой коры. Тогда, значить, существуютъ еще другія условія для одновременнаго возбужденія не соединенныхъ между собою непосредственно клѣтокъ: клѣтки могутъ быть соединены не непосредственно между собою, но съ какимъ-либо общимъ центромъ.

Такимъ центромъ можетъ быть или какая-либо группа клѣтокъ, возбуждаемыхъ одновременно съ другими, несоединенными между собою клѣтками, служащая въ свою очередь для образованія воспріятія, или же это можетъ быть группа клѣтокъ не имѣющихъ психической функціи и исполняющихъ другую задачу, напримѣръ, сосудистый центръ.

Для разъясненія этихъ простыхъ, но важныхъ условій, отъ обстоятельнаго знакомства съ которыми зависитъ правильное пониманіе всѣхъ ассоціаціонныхъ процессовъ, мы рассмотримъ нѣсколько ближе наиболѣе важныя формы ассоціацій.

Существуютъ основанія предполагать, что воспріятія различныхъ органовъ чувствъ локализируются въ мозговой корѣ въ различныхъ мѣстахъ.

Какъ уже было указано, воспріятія рѣдко возникаютъ въ связи съ дѣятельностью только одного органа чувствъ. Обычно происходятъ одновременныя воспріятія нѣсколькихъ органовъ чувствъ и, слѣдовательно, одновременно возбуждаются различныя участки коры головного мозга. Такимъ образомъ одновременно возникаетъ нѣсколько отдѣльныхъ ассоціацій или одна сложная ассоціація.

Нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ ассоціацій, входящихъ въ составъ общей, сложной ассоціаціи, находятся между собою въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ другими одновременно возникающими возбужденіями и ассоціаціями, что особенно относится къ ассоціаціямъ воспріятій одного и того же органа чувствъ. Обыкновенно

венно зрительныя воспріятія тѣснѣе ассоціируются съ зрительными же, слуховыя съ слуховыми и т. д. Поэтому при возстановленіи сложной ассоціаціи, при воспоминаніи, съ большею легкостью возникаютъ ассоціированныя между собою представленія, относящіяся къ одному и тому же органу чувствъ. Съ этимъ обстоятельствомъ мы еще встрѣтимся.

Кромѣ болѣе тѣснаго соединенія по органамъ чувствъ, тѣснѣйшая зависимость устанавливается между воспріятіями различныхъ органовъ чувствъ и какимъ-либо отдѣльнымъ, общимъ для нихъ всѣхъ, всегда одновременно съ ними возникающимъ воспріятіемъ. У человѣка такимъ связующимъ моментомъ является слово, т. е. извѣстная сумма такъ называемыхъ артикуляціонныхъ движеній, соединенныхъ съ произнесеніемъ звуковъ.

Первоначально слово было лишь звуковымъ и двигательнымъ выраженіемъ воспріятій органовъ чувствъ и внутреннихъ состояній, но затѣмъ, съ изобрѣтеніемъ письма, оно стало также и выраженіемъ зрительнымъ. Съ этимъ зрительнымъ выраженіемъ тотчасъ соединились и двигательныя ощущенія, возникающія при писаніи слова. Такимъ образомъ, слово стало формулой сложной ассоціаціи, и притомъ ассоціаціи, отличающейся большою стойкостью, вслѣдствіе частаго повторенія, обусловленнаго тѣмъ, что слово является единственнымъ способомъ передачи внутренняго состоянія одного лица другому. Въ этой сложной ассоціаціи, формулой, или символомъ которой служитъ слово, также можно отмѣтить, что ассоціируются съ наибольшою легкостью воспріятія одного и того же органа чувствъ, вслѣдствіе чего зрительные образы словъ болѣе тѣсно соединяются съ другими зрительными же образами, слуховые съ слуховыми. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то любопытное явленіе, которое часто наблюдается по отношенію къ иностраннымъ языкамъ, когда слово быстро узнается, когда оно напечатано, и не узнается совсѣмъ, если его произносятъ, хотя оно было уже слышано раньше, и тѣмъ болѣе, если оно никогда не произносилось постороннимъ лицомъ. Это показываетъ также и то, что отдѣльныя ассоціаціи, входящія составными частями въ ту сложную ассоціацію, которая соотвѣтствуетъ слову, могутъ быть сильнѣе остальныхъ ассоціацій, составляющихъ вмѣстѣ съ ними общую сумму. Поэтому нельзя предполагать, что при слышаніи, напримеръ, какого-нибудь слова, въ нашемъ воспоминаніи возникнутъ

всѣ относящіяся къ этому слову воспріятія, т. е. что слуховое впечатлѣніе вызоветъ связанное съ нимъ впечатлѣніе зрительное и впечатлѣнія двигательныя, въ зависимости отъ производившихся при произнесеніи этого слова движеній рта и—при написаніи слова—движеній руки.

Въ дѣйствительности, слово будетъ узнано уже по одному изъ соотвѣтствующихъ ему воспріятій, слуховому или зрительному, или двигательному; затѣмъ, въ связи съ происшедшимъ узнаваніемъ, произойдутъ дальнѣйшіе ассоціаціонные процессы: прежде всего возникнутъ нѣсколько соотвѣтствующихъ представленій изъ области того же органа чувствъ, затѣмъ представленія другихъ органовъ чувствъ.

Узнаваніе само по себѣ не находится въ неизбѣжной зависимости отъ ассоціаціи идей.

Какъ мы видѣли, воспріятіямъ cadaго органа чувствъ соотвѣтствуетъ возбужденіе извѣстной отдѣльной области коры. Въ этомъ общемъ для даннаго органа чувствъ участкѣ каждому отдѣльному представленію или воспріятію соотвѣтствуетъ также отдѣльный видъ и отдѣльное мѣсто возбужденія.

Если мы допустимъ, что каждому отдѣльному ощущенію соотвѣтствуетъ возбужденіе одной только клѣтки въ головномъ мозгу, то каждому воспріятію будетъ соотвѣтствовать возбужденіе извѣстной группы клѣтокъ, что можетъ быть изображено графически въ видѣ какой-нибудь фигуры.

Всякое новое воспріятіе того же органа чувствъ выразится возбужденіемъ другой группы клѣтокъ въ видѣ фигуры другой формы. Эта вторая фигура можетъ находиться или совершенно отдѣльно отъ первой, или захватывать часть тѣ же самыя клѣтки, если только въ первомъ и во второмъ воспріятіи имѣются одинаковыя ощущенія, что бываетъ въ дѣйствительности чрезвычайно часто.

Такимъ образомъ, если мы ранѣе имѣли возбужденіе клѣтокъ А, то новое возбужденіе можетъ быть или совершенно такимъ же, и тогда мы получимъ тождество; или будетъ лишь въ малой степени отличаться отъ прежняго,—тогда мы получимъ сходство, которое представляетъ собою лишь одинъ изъ видовъ узнаванія.

При двухъ совершенно различныхъ ощущеніяхъ, очевидно, мы получимъ и различныя возбужденія, такъ что о сходствѣ не можетъ быть и рѣчи.

Какъ только опредѣлилось отношеніе одного изъ ощущеній къ другому въ одномъ органѣ чувствъ, тотчасъ же опредѣляется это отношеніе и къ воспріятію въ цѣломъ, т.-е. къ соединеннымъ между собою ощущеніямъ разныхъ органовъ чувствъ.

По отношенію къ ассоціаціямъ сходства или узнаванію надо имѣть въ виду, что почти никакого значенія при этомъ не имѣетъ количественная сторона: напримѣръ та величина, которая можетъ возбудить ощущеніе различія, но въ то же время не нарушитъ ассоціаціи сходства; такъ, напримѣръ, маленькая деревянная лошадка узнается нами безъ всякаго затрудненія, какъ лошадь, громаднѣйшихъ размѣровъ каменный левъ, величиною больше слона, тѣмъ не менѣе будетъ узнавъ нами, какъ левъ. Это зависитъ отъ того, что понятіе о величинѣ есть понятіе очень относительное и вырабатывается опытомъ въ зависимости отъ иннервационныхъ ощущеній и въ прямой связи съ идеей пространства.

Итакъ, мы видѣли, что мозговая кора обычно возбуждается воспріятіями, относящимися къ различнымъ органамъ чувствъ. Если мы возьмемъ на удачу какой-нибудь моментъ психической жизни, мы найдемъ слѣдующее.

Воспріятія разныхъ органовъ чувствъ первоначально размѣщаются въ различныхъ областяхъ коры и находятся въ соединеніи между собою частью непосредственно, частью черезъ посредство другъ друга. Въ связи съ ними стоятъ частью соединенныя, частью не соединенныя ассоціационными путями представленія.

Въ слѣдующій моментъ мы находимъ, однако, въ корѣ совершенно другое распредѣленіе возбужденій.

Какимъ образомъ произошла эта перемѣна?

Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ есть въ то же время и отвѣтъ на то, что такое психическій процессъ. Поэтому онъ можетъ быть сдѣланъ лишь тогда, когда мы разъясимъ всѣ условія этой перемѣны.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій является слѣдующее.

Если мы будемъ сравнивать между собою два выбранные нами момента, то увидимъ, что возбужденія коры отличаются другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ:

1. Возбужденныя къ дѣятельности мѣста не одинаковы.
2. Сила возбужденія однихъ и тѣхъ же мѣстъ не одинакова.
3. Тѣ отдѣльныя возбужденія, которыя оказываются общими для обоихъ случаевъ, оказываются не вполне тождественными.

Разсматривая отдѣльныя воспріятія, мы видимъ, что и они подверглись нѣкоторымъ, хотя ничтожнымъ, перемѣнамъ: напримѣръ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же зрительныхъ воспріятіяхъ, нѣкоторыя детали оказываются измѣненными: освѣщеніе, точка зрѣнія и т. д.

Какъ связаны между собою эти два момента?

Обычно, съ точки зрѣнія современнаго ученія объ ассоціаціяхъ, говорится, что они связаны безчисленнымъ множествомъ отдѣльныхъ ассоціацій: общее для этихъ двухъ моментовъ есть и связующее звено между ними.

Возьмемъ, однако, два момента, раздѣленные періодомъ относительной психической бездѣтельности, періодомъ сна.

Положимъ, первый моментъ мы выберемъ вечеромъ и, по возможности, дадимъ себѣ отчетъ въ нашемъ психическомъ содержаніи. Другой моментъ пусть будетъ утромъ въ той же самой комнатѣ, даже при той же самой, по возможности, обстановкѣ, что и вечеромъ. Отдавая себѣ вновь отчетъ, мы замѣтимъ, что наше психическое содержаніе совсѣмъ другое и мало что въ немъ имѣетъ отношеніе къ нашему вчерашнему состоянію.

Еще съ большею рѣзкостью выступаетъ разница двухъ психическихъ моментовъ при различной внѣшней обстановкѣ, и каждому хорошо извѣстно по собственному опыту, какъ различно онъ себя чувствуетъ—сидя одинъ у себя дома, въ присутствіи другихъ людей, въ гостяхъ, на службѣ и т. д. И весьма нерѣдко одинъ моментъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ другимъ.

Поразительна при этомъ быстрота смѣны психическаго содержанія, и, вѣроятно, каждому приходилось переживать приблизительно такія душевныя состоянія.

Вамъ предстоитъ, положимъ, увидѣть кого-нибудь изъ друзей послѣ долгой разлуки. Вы привыкли дѣлить съ этимъ человекомъ свое горе и радость. За время его отсутствія многое произошло въ вашей жизни, что частью подтвердило, частью, наоборотъ, совершенно нарушило ваши прежніе взгляды и намѣренія. Многое изъ того, что вы намѣчали когда-то съ вашимъ другомъ, совершилось совсѣмъ не такъ, какъ вы ожидали. Теперь вы опять видите съ нимъ и непременно разсчитываете поговорить съ нимъ именно объ этихъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вещахъ, ждете его съ нетерпѣніемъ, въ то же время,

такъ сказать, провѣряя себя и стараясь не забыть наиболѣе важныхъ пунктовъ.

Вашъ другъ входитъ въ комнату. Вы бросаетесь къ нему—и въ то же время въ вашей душѣ происходитъ полное превращеніе: то, что наполняло ее нѣсколько минутъ тому назадъ, не существуетъ болѣе. Вопросъ, который вамъ казался важнѣйшимъ, совсѣмъ не приходитъ въ голову. Ваше состояніе, къ удивленію вашему, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что вы ожидали... Вы видите передъ собою лицо вашего друга и происшедшій въ этомъ лицѣ перемѣны: оно стало смуглѣе, худѣе или полнѣе, но это несомнѣнно прежнее, хорошо знакомое и симпатичное вамъ лицо. Да, и не все перемѣнилось: та же манера говорить, та же усмѣшка, та же манера садиться, закидывая одну ногу на другую... И по мѣрѣ того, какъ его образъ врѣзывается въ ваше сознаніе, вы чувствуете, какъ исчезаетъ то время, тѣ 5—6 лѣтъ, которыя протекли послѣ вашей встрѣчи, и вамъ вспоминается нѣчто такое, что никакимъ образомъ не было въ вашей головѣ 10 минутъ тому назадъ: какой-нибудь эпизодъ изъ вашей прежней жизни и отношеній, и вы, часто совершенно не кстати, начинаете вспоминать невозвратное прошлое. И если черезъ нѣсколько времени вашъ другъ спроситъ васъ о вашихъ дѣлахъ, о томъ именно, что вамъ казалось необходимо сообщить ему, вы почувствуете, что это совсѣмъ не важно, во всякомъ случаѣ, далеко не такъ важно, какъ вы полагали раньше, и что какъ разъ въ настоящую минуту это находится совсѣмъ на второмъ планѣ.

При объясненіи такого рода рѣзкихъ измѣненій психическаго содержанія весьма часто указываютъ на аффектъ: радость или волненіе нарушили прежнее теченіе вашихъ идей. Затѣмъ вновь возникшія ассоціаціи отвлекли ваше вниманіе, и возстановляющіяся воспоминанія дали новое теченіе мыслямъ.

Пока довольно сказать, что такое объясненіе не касается самаго существеннаго вопроса о способѣ перехода однихъ мыслей въ другія или ихъ смѣны.

Для выясненія фізіологической подкладки происшедшаго измѣненія намъ необходимо точно ознакомиться съ тѣмъ, что называется «функціональною гипереміей».

На функціональную гиперемію головного мозга во время психической дѣятельности впервые обратилъ вниманіе Карпен-

теръ и затѣмъ Мейнертъ *), излагающій это слѣдующимъ образомъ:

«Каждый процессъ мышленія исходитъ изъ одного какого-нибудь образнаго воспоминанія, которое связано, однако, со множествомъ другихъ точекъ мозговой коры. Но въ отдѣльномъ актѣ мышленія утилизируются далеко не всѣ мозговые очаги, съ которыми ассоціировано образное воспоминаніе, послужившее исходнымъ пунктомъ этого акта. Область дѣятельныхъ ассоціаций обнимаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ лишь часть существующихъ ассоціационныхъ соединеній. Мы представляемъ себѣ функцію, какъ синтетическій химическій процессъ. Въ функционирующихъ мозговыхъ клѣткахъ и ассоціационныхъ волокнахъ необходимо, слѣдовательно, принять извѣстный плазматическій приростъ. Изолированность функціи проведенія станетъ для насъ понятною, если мы признаемъ за нервными элементами способность питательнаго притяженія (nutritive attraction), распространяющагося вдоль дугообразныхъ пучковъ. Согласно Фехнеру, мы можемъ принять, что дѣятельное состояніе образныхъ воспоминаній и ихъ соединеній представляетъ одновременно двѣ степени интенсивности; тѣ изъ нихъ, которыя участвуютъ въ данномъ актѣ мышленія, находятся выше уровня сознанія, всѣ прочія стоятъ ниже его. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что клѣточные элементы и пути, участвующіе въ процессѣ, стоящемъ выше уровня сознанія, находятся въ состояніи болѣе интенсивнаго нутритивнаго притяженія, нежели остальные элементы, возбужденіе которыхъ не достигаетъ уровня сознанія и которые пребываютъ внѣ активной ассоціационной игры. Очевидно, что здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о различіи въ степени, различіи количественномъ.

«Мозговая кора совершаетъ одновременно двѣ работы: 1) иннервацию текущихъ по ассоціационнымъ путямъ мыслей и сочетанныхъ съ ними движеній; 2) иннервацию суживающихъ артерій мышцъ. Чѣмъ менѣе дѣятеленъ мозгъ въ первомъ отношеніи, тѣмъ интенсивнѣе иннервация сосудо-суживающихъ мышцъ, и наоборотъ. Эта послѣдняя функція задерживается, когда приходитъ въ дѣятельное состояніе первая категория корковыхъ отправленій, т.-е. игра ассоціаций. Другими словами: суженіе со-

*) Мейнертъ. Психіатрія. Пер. Ліона, стр. 212, 265, 269.

судовъ уменьшается во время процессовъ мышленія. Въ этомъ заключается механизмъ функциональной гипереміи.

«Хотя элементарныя образныя воспоминанія распредѣляются по отдѣльнымъ областямъ коры, но воспроизведеніе одного какаго-нибудь представленія влечетъ за собою, въ силу ассоціаціи, пробужденіе цѣлаго ряда другихъ, побочныхъ представленій. Актъ мышленія слагается такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ сочетанія представленій, локализирующихся въ самыхъ разнообразныхъ территорияхъ коры. Слѣдовательно, функциональная гиперемія, сопровождающая мышленіе, возникаетъ одновременно во многихъ отдаленныхъ другъ отъ друга очагахъ и болѣе или менѣе приближается къ общей артеріальной гипереміи коры.

«Такъ какъ непосредственная иннервація мозговыхъ артерій всегда исходитъ изъ субкортикальнаго центра, то весь механизмъ функциональной гипереміи сводится къ задерживающему вліянію коры на субкортикальный центръ. Основаніе, почему для объясненія происхожденія функциональной гипереміи недостаточно одного нутритивнаго притяженія со стороны возбужденныхъ нервныхъ элементовъ, лежитъ въ томъ фактѣ, что во время и послѣ психической работы происходитъ общій приливъ крови ко всему головному мозгу. Гиперемія переходитъ даже за предѣлы мозга, въ пользу чего говоритъ физиогномическій фактъ появленія краски въ лицѣ».

Этою мыслью Мейнерта о функциональной гипереміи мы и воспользуемся для объясненія смѣны психическихъ состояній. Къ сожалѣнію, мысль Мейнерта, прекрасно изложенная въ началѣ, становится весьма неясной въ концѣ, такъ что функциональная гиперемія отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ, участковъ коры какъ бы превращается въ общую гиперемію всего мозга, переходящую даже за его предѣлы и выражающуюся въ краскѣ лица. Поэтому необходимо сдѣлать нѣкоторыя дополненія, которыя, можетъ быть, и не будутъ поправками, такъ какъ мысль Мейнерта, очевидно, страдаетъ недостаточной ясностью.

Мы будемъ принимать функциональную гиперемію, не какъ притокъ артеріальной крови къ мозгу вообще, но какъ притокъ, распредѣленный въ точномъ соотвѣтствіи съ существующимъ въ данный моментъ возбужденіемъ какъ по мѣсту, такъ и по степени, или, употребляя выраженіе Мейнерта, соотвѣтственно питательному притяженію разныхъ участковъ коры.

Тогда мы увидимъ, что распредѣленіе крови въ двухъ раз-

личныхъ психическихъ состояніяхъ всегда различное. Это различіе сохраняется при всякой степени наполненія мозга кровью, и каковъ бы ни былъ общій приливъ, относительное распредѣленіе крови въ мозгу остается безъ перемѣны.

Эта гиперемія, какъ это указываетъ Мейнертъ, находится въ зависимости отъ дѣятельности сосудистаго центра, съ одной стороны, и отъ питательнаго притяженія, съ другой. Слѣдуетъ однако принять во вниманіе и взаимную зависимость этихъ двухъ моментовъ: возбужденіе извѣстной части коры, усиленіе химическихъ процессовъ въ клѣткахъ вызываетъ усиленный притокъ крови къ данному участку; въ свою очередь, происшедшій усиленный притокъ крови именно къ этому самому участку въ точнѣйшемъ смыслѣ этого слова, вызоветъ и повышеніе функций соотвѣтствующихъ клѣтокъ, т. е. вызоветъ и возникновеніе полученныхъ раньше этими клѣтками возбужденій. При этомъ гиперемію надо понимать въ видѣ весьма тонкаго процесса въ смыслѣ распредѣленія крови по мельчайшимъ вѣточкамъ соотвѣтственно не только питаемымъ участкамъ, но и питаемымъ клѣткамъ.

Такимъ образомъ, данное возбужденіе извѣстной группы клѣтокъ какимъ-либо чувственнымъ впечатлѣніемъ тотчасъ возбуждаетъ сосудистый центръ именно такъ, какъ оно возбуждало его въ свое время. Въ отвѣтъ на это возбужденіе, имѣющее специфическій характеръ, сосудистый центръ измѣнитъ распредѣленіе крови въ мозгу точь-въ-точь такъ же, какъ онъ измѣнялъ его когда-то прежде, и усиленный притокъ питательнаго матеріала произойдетъ именно въ тѣхъ участкахъ коры, которые въ свое время были возбуждены одновременно съ настоящимъ дѣйствительнымъ возбужденіемъ. Значитъ, въ мозговой корѣ возникнутъ вновь тѣ же возбужденія, что возникали раньше, — другими словами, въ сознаніи возстановятся тѣ же самыя представленія, которыя возникали раньше въ связи съ тѣмъ представленіемъ, которое послужило толчкомъ для сосудистаго центра.

Перемѣна распредѣленія крови можетъ произойти съ большою быстротою, почти моментально. Съ такою же быстротою произойдетъ и измѣненіе психическаго содержанія. Ассоціаціонный процессъ продолжаетъ свою дѣятельность, но смѣна двухъ состояній произошла не путемъ непосредственнаго перехода ассоціацій другъ въ друга, а путемъ замѣщенія одной группы ассоціацій другою группой.

Если въ новомъ психическомъ состояніи мы будемъ искать, что сталося со старымъ, то увидимъ, что отъ него не осталось почти никакого слѣда. Наиболе возбужденныя группы клѣтокъ, наиболе яркія представленія могутъ въ слѣдующій моментъ оказаться наиболе возбужденными, и соотвѣтствующія представленія—наиболе яркими.

Такого рода замѣна одного психическаго состоянія другимъ и происходитъ всякій разъ, какъ только вновь возникшее воспріятіе, относящееся къ другой группѣ ассоціаций, достаточно сильно, достаточно продолжительно, или когда является цѣлая обширная группа одновременныхъ воспріятій.

Этимъ объясняется то, что каждый человѣкъ является инымъ въ различные моменты его жизни и въ различной обстановкѣ.

Этимъ же объясняется, между прочимъ, и любопытный фактъ, наблюдаемый по отношенію къ гипнотическому состоянію.

Если въ то время, какъ человѣкъ находится въ состояніи сомнамбулизма, когда внушаемость развивается до наибольшей степени, на него подѣйствуетъ какое-нибудь не очень кратковременное впечатлѣніе, достаточно сильное и опредѣленное, такъ чтобъ оно было имъ вполне воспринято, то впослѣдствіи, когда вновь то же впечатлѣніе подѣйствуетъ на него въ бодрственномъ состояніи, у него вновь развивается на короткое время гипнотическое состояніе. Такъ, напримѣръ, если вы заставляете въ гипнотическомъ снѣ декламировать какое-нибудь стихотвореніе, которое сами декламируете передъ тѣмъ съ опредѣленной интонаціей, то загипнотизированный повторитъ его за вами съ той же интонаціей. Затѣмъ, въ бодрственномъ состояніи субъекта, если вы съ тою же интонаціей станете декламировать то же стихотвореніе, то вы вызовете этимъ развитіе гипнотическаго состоянія. Вы возстановили, слѣдовательно, только одинъ опредѣленный моментъ, и притомъ возстановили точно въ такомъ же видѣ, какъ онъ былъ воспринятъ первоначально,—и вслѣдъ за нимъ возстанавлиется и бывшее первоначальное физиологическое состояніе мозга.

Опытъ этотъ удается далеко не всегда, такъ какъ естественно въ бодрственномъ состояніи является множество причинъ, затрудняющихъ его правильное теченіе. Этотъ фактъ, какъ я уже указывалъ *), объясняетъ также и механизмъ исполненія внушенія

*) Токарскій. Гипнотизмъ и внушеніе. Арх. псих. 1888.

черезъ извѣстный срокъ, такъ какъ срокъ, всегда точно опредѣляемый, и служитъ точкой отправленія для развитія соответствующаго исполненію внушенія состоянія.

Чтобы еще разъ иллюстрировать, насколько полно бываетъ вытѣсненіе всѣхъ предшествующихъ ассоціаций, какъ только происходитъ замѣна одной группы ассоціаций другой, я приведу слѣдующій случай.

Одинъ изъ моихъ друзей, когда мы были еще въ гимназіи, вернувшись послѣ уроковъ домой, уснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что было уже утро, что его чрезвычайно удивило, такъ какъ онъ уснулъ тотчасъ по возвращеніи изъ гимназіи и не могъ спать такъ долго. Но, несомнѣнно, это было утро, и въ домѣ всѣ спали: солнце освѣщало его комнату такъ же, какъ всегда, все было такъ, какъ это бывало каждый день передъ уходомъ въ гимназію. Онъ выглянулъ въ дверь и увидѣлъ на столѣ самоваръ, какъ это бывало обыкновенно по утрамъ. Ему приходитъ въ голову мысль, что онъ проспалъ, и, схвативъ поспѣшно книги, онъ торопится въ гимназію. Идя по городу, онъ замѣчаетъ, что видъ улицъ не вполне соответствуетъ тому, что бываетъ по утрамъ, но занятый мыслью о томъ, что онъ опоздалъ, онъ не разъясняетъ себѣ этого. Приля въ гимназію, онъ находитъ двери запертыми. Значитъ, слишкомъ рано. Онъ идетъ въ садъ и тамъ находитъ нѣсколькихъ гимназистовъ, играющихъ въ мячъ, что дѣлали иногда приходившіе раньше другихъ. Между ними не оказывается его товарищей по классу, и онъ усаживается на пригоркѣ, въ ожиданіи, когда отворятъ двери. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ игравшихъ подходитъ къ нему, начинаетъ разговаривать, — и оказывается, что то было не утро, а 5 часовъ вечера.

Это произошло съ человѣкомъ здоровымъ и совершенно не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія послѣдовательнаго перехода однихъ ассоціаций въ другія, тогда какъ объясняется совершенно легко изложенными соображеніями.

Указанными моментами, однако, характеризуется только одна сторона психическаго процесса. Мы пока разсмотрѣли лишь ту часть его, которая можетъ быть названа смѣною группъ одновременныхъ ассоціаций. Но кромѣ смѣны одновременныхъ ассоціаций, въ каждой группѣ ассоціаций уже существующихъ происходятъ постоянныя перемѣны, независимыя отъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя могутъ оставаться безъ измѣненія.

Итакъ, мы видѣли, что одно психическое содержаніе, одна группа ассоціаций можетъ сразу замѣниться другимъ содержаніемъ, другой группой ассоціаций, какъ только на мозгъ подѣйствуетъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, относящееся къ этой другой группѣ. Это обстоятельство, зависящее отъ дѣятельности сосудистаго центра, должно бы совершенно нарушать психическую дѣятельность, которая и представляла бы собою лишь постоянную смѣну различныхъ психическихъ содержаній, не имѣющихъ между собою никакой внутренней связи.

Этого не происходитъ, однако, благодаря основному свойству нервной системы, которое заключается въ томъ, что, при повтореніи возбужденія, реакція на него уменьшается. Такъ, въ опытахъ Шиффа *) съ термоэлектрическимъ столбомъ, первое отклоненіе зеркала было обыкновенно самымъ большимъ, слѣдующее было слабѣе и такъ далѣе до извѣстнаго минимума, на которомъ степень отклоненія оставалась постоянной.

То же самое можно наблюдать ежедневно: если внезапно подѣйствуетъ на человѣка какое-нибудь достаточно сильное и неожиданное впечатлѣніе, то первоначально оно окажетъ дѣйствіе весьма замѣтное. Напримѣръ, неожиданный стукъ можетъ заставить васъ вздрогнуть. Второй такой же стукъ подѣйствуетъ уже гораздо слабѣе, а къ третьему и четвертому вы отнесетесь уже совсѣмъ покойно. И такое привыканіе происходитъ у самыхъ чувствительныхъ и впечатлительныхъ людей.

Относительно механизма такого привыканія существуютъ неодинаковые взгляды, и нѣкоторыми оно считается за результатъ прямого противодѣйствія.

Такъ, И. М. Сѣченовъ **) объяснялъ это тѣмъ, что если впечатлѣніе повторяется и можетъ быть ожидаемо заранѣе, то развивается въ нервной системѣ противодѣйствіе уже испытанному ранѣе вліянію, чѣмъ оно и ослабляется.

Но меньшая реакція на повторяющееся впечатлѣніе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объ этомъ впечатлѣніи сохранилось воспоминаніе. Если же промежутокъ между первымъ появленіемъ впечатлѣнія и его повтореніемъ довольно великъ, то второе впечатлѣніе можетъ совершенно равняться первому.

*) См. Герценъ. Общая физиологія души. Спб. 1890.

**) Сѣченовъ. Рефлексы головного мозга. Спб. 1866.

Нельзя сказать, однако, чтобы была настоящая необходимость признавать развитіе такого противодѣйствія во всѣхъ случаяхъ и считать вліяніе задерживающихъ центровъ неизбѣжнымъ по отношенію къ явленію привыканія.

Это заключеніе вытекаетъ, между прочимъ, изъ разсмотрѣнія вопроса о самихъ задерживающихъ центрахъ.

Именно, это ученіе предполагаетъ существованіе въ головномъ мозгу аппарата задерживающаго рефлексъ и аппарата усиливающаго рефлексъ. Гдѣ находятся эти аппараты, это недостаточно извѣстно. Самое ихъ существованіе доказывается опытами надъ животными, какъ это извѣстно изъ курса физиологіи. Если раздражать мозгъ электрическимъ токомъ, то рефлексъ будутъ задерживаться. Если же раздражать другія точки, именно двигательную область, то рефлексъ будутъ усилены. Итакъ, подъ вліяніемъ раздраженія головного мозга рефлексъ то ослабляются, то усиливаются. Отсюда заключеніе о существованіи задерживающихъ и усиливающихъ рефлексъ центровъ.

Между тѣмъ, весьма возможно, что никакихъ отдѣльныхъ задерживающихъ или усиливающихъ рефлексъ центровъ въ головномъ мозгу нѣтъ и что между нервными центрами существуетъ постоянное взаимодействіе. Дѣятельность одного центра, или одной части нервной системы ослабляетъ дѣятельность другой части нервной системы. Это значитъ, что задерживающимъ моментомъ для данной части нервной системы является дѣятельность другой части. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ дѣятельность центральной нервной системы совпадаетъ съ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, будетъ наблюдаться, наоборотъ, усиленіе вліянія послѣднихъ. Возможно, что такого рода взаимодействіе частей центральной нервной системы всецѣло обусловливается функціональной гипереміей.

Съ этой точки зрѣнія, если для привыканія допускать развитіе противодѣйствія, слѣдовало бы ожидать, что привыканіе развивается въ зависимости отъ развитія ассоціаціонныхъ процессовъ въ связи съ повторяющимся вліяніемъ.

Это и происходитъ дѣйствительно по отношенію ко многимъ случаямъ, но для насъ весьма важно имѣть въ виду, что слѣдуетъ допустить еще и основное свойство нервной клѣтки слабѣе реагировать на повторяющееся впечатлѣніе.

Происходитъ ли это отъ того, что клѣтка, разъ воспринявшая

известное впечатлѣніе измѣняетъ свое строеніе, или отъ того, что неизбежно образующіяся ассоціаціи, вслѣдствіе распространенія возбужденія, хотя бы и ниже порога сознанія, дѣлаютъ возбужденіе при повтореніи болѣе разлитымъ, рѣшить въ настоящее время нельзя. Несомнѣнно лишь, что при повтореніи сила впечатлѣнія уменьшается.

Это обстоятельство играетъ чрезвычайно важную роль по отношенію къ вопросу о томъ, почему въ нашемъ психическомъ содержаніи не происходятъ постоянно рѣзкія смѣны группъ представленій, какъ это мы видѣли въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ.

Каждое изъ представленій, которое мы имѣемъ въ сознаніи въ данный моментъ, было воспринято нами раньше совершенно въ другой группировкѣ. Отчего же эта группировка не возникаетъ вновь и не вытѣсняетъ существующія въ данный моментъ ассоціаціи? Именно оттого, что для вытѣсненія одной группы ассоціацій другой необходимо, чтобы первое изъ вытѣсняющихъ впечатлѣній, которое затѣмъ по ассоціаціи поведетъ за собою другія, было достаточно сильно, и если каждое изъ воспринимаемыхъ нами въ данный моментъ впечатлѣній воспринимается нами не въ первый разъ, что болѣею частью и бываетъ, то оно будетъ ослаблено въ силѣ, и существующая группа ассоціацій можетъ быть такимъ образомъ сильнѣе, чѣмъ тѣ группы, которыя могли бы возникнуть въ связи съ разными составными впечатлѣніями первой группы. Поэтому первая группа, т.-е. уже существующія въ данный моментъ ассоціаціи, и будетъ продолжать свое существованіе до того времени, пока измѣняющіяся внѣшнія вліянія не измѣнятъ ихъ теченія или прямо не прервутъ его путемъ смѣны, въ зависимости отъ возникающаго наконецъ непривычнаго, новаго, или просто болѣе сильнаго стимула.

Но далеко не всѣ перемѣны внутренняго содержанія происходятъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, и можно сказать даже, что подъ вліяніемъ такихъ воздѣйствій происходятъ преимущественно перемѣны, измѣняющія теченіе внутренней жизни.

Главнѣйшія перемѣны внутренняго содержанія зависятъ отъ внутреннихъ отношеній.

Кромѣ ассоціацій по сходству и по одновременности появленія, слѣдуетъ различать еще ассоціаціи послѣдовательныя. Онѣ относятся также къ ассоціаціямъ по смежности, такъ какъ связь

устанавливается между двумя ближайшими по времени состояніями.

Ассоціаціи эти образуются слѣдующимъ образомъ.

Если я испытываю какое-нибудь впечатлѣніе, которое затѣмъ смѣняется другимъ впечатлѣніемъ, то полученныя мною два воспріятія свяжутся между собою, и воспроизведеніе, или вторичное возникновеніе одного изъ нихъ поведетъ за собою возстановленіе и другого.

Эти два соединяющіяся впечатлѣнія могутъ относиться къ различнымъ органамъ чувствъ или къ одному и тому же чувству. Второе возбужденіе можетъ явиться въ то время, когда первое уже прекратилось, что даже необходимо, такъ какъ иначе образуется связь по одновременности.

Такимъ образомъ устанавливается связь между существующимъ и не существующимъ въ дѣйствительности явленіемъ.

Обязательнымъ условіемъ установленія такой связи является существованіе воспоминанія о предшествовавшемъ впечатлѣніи. Но воспоминаніе предполагаетъ возстановленіе въ мозгу того же процесса, который происходилъ при первоначальномъ воспріятіи. Слѣдовательно, въ дѣйствительности будутъ ассоціироваться между собою два одновременные процесса.

Такимъ образомъ, ассоціаціи одновременныхъ и послѣдовательныхъ состояній, по сущности лежащаго въ основаніи ихъ процесса, совершенно одинаковы.

Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что прошедшее, настоящее и будущее, съ точки зрѣнія фізіологическаго процесса, суть только настоящее.

Настоящее при этомъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ неизмѣримо малаго періода времени, раздѣляющаго прошедшее и будущее, такъ какъ при такомъ условіи всѣ процессы, происходящіе въ мозгу, само собою становятся прошедшими, т.-е. лежащими за предѣлами этого неизмѣримаго настоящаго, — настоящее слѣдуетъ понимать въ смыслѣ продолжающагося фізіологическаго процесса. Для избѣжанія недоразумѣній можно, впрочемъ, сказать, что прошедшее, настоящее и будущее заключаются въ одновременныхъ фізіологическихъ процессахъ.

Вопросъ, отчего наше сознаніе различаетъ прошедшее, настоящее и будущее, легко разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что для опредѣленія времени и порядка слѣдованія нашихъ пси-

хическихъ состояній мы не ограничиваемся только сознаніемъ прошедшаго прошедшимъ, настоящаго настоящимъ и т. д., но употребляемъ множество вспомогательныхъ способовъ распознаванія. Какъ наша личная жизнь, такъ и историческія событія группируются нами по годамъ и числамъ; гдѣ же этого недостаточно или гдѣ память измѣняетъ намъ въ этомъ отношеніи, тамъ являются на помощь другіе подобныя же опознавательныя пункты. Безъ этой внѣшней помощи намъ не было бы возможности разобраться въ своемъ прошедшемъ съ такою точностью, съ какою мы дѣлаемъ это обыкновенно, и каждому извѣстно, что относительно многихъ мелкихъ обстоятельствъ, хорошо, однако, сохраненныхъ памятью, локалізація во времени нерѣдко совершенно утрачивается.

Что будущее есть извѣстная формула или фактъ прошедшаго, перенесенный къ новому опознавательному пункту, это едва ли требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Далѣе, вслѣдствіе того, что память сохраняетъ всѣ возбужденія, когда-либо дѣйствовавшія на мозгъ, вполне естественнымъ является и то обстоятельство, что при воспоминаніи извѣстнаго періода жизни вспоминаются какъ первоначальныя, такъ и заключительныя стадіи этого періода и притомъ вспоминаются одновременно. Величина такихъ періодовъ воспоминанія можетъ быть весьма различна, отъ нѣсколькихъ минутъ до продолжительности всего періода жизни даннаго лица, считая, конечно, съ того времени, когда это лицо вообще сознательно помнитъ свое внутреннее состояніе, хотя бы и смутно, что у большинства людей начинается съ 7-ми, 8-ми лѣтняго возраста.

Обыкновенно ряды послѣдовательныхъ ассоціацій группируются вокругъ какаго-нибудь общаго для нихъ момента, который и является связующимъ звеномъ. Такими звеньями служатъ мѣстности, времена года, лица, разныя событія и т. д. Но всякій разъ всѣ элементы извѣстной группы присутствуютъ въ мозгу одновременно и могутъ быть воспроизведены отъ начала до конца.

Правильнѣе было бы сказать, однако, *могли бы быть* воспроизведены, такъ какъ въ дѣйствительности сознательная память сохраняетъ лишь главнѣйшія черты или впечатлѣнія, по какой-нибудь случайности болѣе рѣзкія, и воспоминанія бывають по большей части довольно смутными. Въ этомъ отношеніи суще-

ствують рѣзкія индивидуальныя колебанія, и общимъ правиломъ остается только одно, что почти никогда воспоминаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Достаточно вспомнить при этомъ, что отдѣльное представленіе уже никогда не соотвѣтствуетъ во всей точности воспріятію, и только у спеціально одаренныхъ въ этомъ отношеніи лицъ воспоминаніе приближается къ дѣйствительности съ большою степенью точности, особенно для отдѣльныхъ органовъ чувствъ, и въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ представленіе пріобрѣтаетъ характеръ почти галлюцинаторной живости.

Но никогда и ни при какихъ условіяхъ не могутъ возстановиться съ большою степенью ясности всѣ существующія представленія и ассоціаціи.

При нѣкоторыхъ необычныхъ условіяхъ могутъ съ большою живостью возстановляться отдѣльныя группы ассоціацій, относящихся къ тому или другому моменту жизни даннаго лица, при чемъ возстановляются и впечатлѣнія давно забытыя, которыя спустились далеко ниже порога сознанія и не возникаютъ вновь при обычныхъ условіяхъ воспоминанія.

Это наблюдается, на примѣръ, въ гипнотическомъ состояніи, когда внушенныя воспоминанія поражаютъ своею детальною и яркостью по отношенію къ извѣстному моменту жизни загипнотизированнаго.

Существуетъ, однако, всѣмъ извѣстное мнѣніе, что въ исключительныхъ случаяхъ, на примѣръ, у утопающихъ, въ теченіе короткаго времени, одного мгновенія, и именно въ моментъ предшествующій потерѣ сознанія, въ воспоминаніи проносится вся жизнь человѣка, съ необычайной ясностью и съ мельчайшими подробностями.

Все, что возможно допустить однако въ подобномъ случаѣ, это то, что необычное возбужденіе мозговой коры, которое является у человѣка въ моментъ борьбы со смертію, захватываетъ такія клѣтки и области мозга, которыя при обычныхъ условіяхъ давно уже не возбуждались, вслѣдствіе чего возникаютъ яркія воспоминанія, внѣ связи съ ассоціаціями, такъ что понять ихъ происхожденіе изъ предшествовавшаго психическаго состоянія совсѣмъ невозможно. Достаточно нѣсколькихъ такихъ воспоминаній, чтобы явилось предположеніе, что все пережитое возстановлялось въ памяти, но опять забылось. Въ дѣйствительности же,

правильнымъ заключеніемъ было бы, что въ моментъ предшествовавшій потерѣ сознанія утопающимъ, въ его памяти возстановились нѣкоторыя или даже многія впечатлѣнія, нерѣдко очень давнія, внѣ всякой связи съ ассоціаціями.

Причина такого внезапнаго одновременнаго возбужденія не находящихся между собою въ связи отдѣльныхъ участковъ мозговой коры опять лежитъ въ гипереміи, неправильно распредѣляющейся въ мозгу. Испугъ, большое мышечное напряженіе, затрудненіе дыханія являются вполне достаточными условіями для того, чтобы распредѣленіе крови по участкамъ стало неправильнымъ, причемъ какъ бы вспыхиваютъ яркія отдѣльныя картины прошлаго безъ всякой связи между собою. И такъ какъ, въ дѣйствительности, эти внезапныя одновременныя воспоминанія были раздѣлены между собою иногда очень большимъ промежуткомъ времени, то по исчезновеніи ихъ и остается общее смутное впечатлѣніе, что сразу вспоминались событія многихъ лѣтъ или даже цѣлой жизни.

Такимъ образомъ, на человѣческой мозгу постоянно, въ каждый данный моментъ, дѣйствуютъ тысячи возбужденій, которыя и вступаютъ въ непосредственную связь какъ между собою, такъ и съ существующими сознательными воспоминаніями. Въ слѣдующій моментъ можетъ явиться новая масса возбужденій, и они вновь вступаютъ въ связь между собою и съ воспоминаніями о предшествовавшихъ возбужденіяхъ, и такъ образуются цѣпи ассоціацій, которыя весьма долго могутъ не прерываться, такъ какъ для перерыва необходимо рѣзкое измѣненіе всей суммы впечатлѣній, что происходитъ, на примѣръ, при перемѣнѣ мѣстности или при совершенномъ измѣненіи образа жизни. Тогда между двумя цѣпями ассоціацій не останется другой связи, кромѣ той, что и та и другая цѣпь возбужденій относятся къ одному и тому же мозгу, къ одному и тому же лицу. Другія, менѣе самостоятельныя цѣпи образуются въ зависимости отъ наиболѣе часто повторяющихся условій появленія и образованія извѣстныхъ впечатлѣній, въ зависимости отъ помѣщенія, окружающихъ лицъ и т. д.

Слѣдовательно, въ мозгу постоянно присутствуютъ слѣды громаднаго количества возбужденій, и естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ въ данный моментъ не возникаютъ въ видѣ беспорядочной массы разнаго рода предшествовавшія воз-

бужденія и не является та картина, которая наблюдается въ нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ и называется спутанностью?

По отношенію къ этому вопросу мнѣнія рѣзко раздѣляются. По мнѣнію однихъ, регуляторомъ теченія представленій служитъ воля.

Впервые мы встрѣчаемся съ этимъ понятіемъ именно здѣсь, такъ какъ безъ участія воли правильная психическая дѣятельность считается невозможной.

Въ общихъ чертахъ, всѣ, считающіе участіе воли необходимымъ условіемъ правильнаго теченія психическихъ процессовъ, сходятся во взглядахъ, такъ что совершенно достаточно изложеніе наиболѣе распространеннаго воззрѣнія, и я изложу взглядъ Вундта, тѣмъ болѣе, что у него вопросъ объ участіи воли подвергся наиболѣе тщательной разработкѣ.

По мнѣнію Вундта *), всякое воспріятіе или представленіе можетъ сознаваться то болѣе, то менѣе ясно, въ зависимости отъ направленія на него вниманія.

Изъ ряда одновременныхъ воспріятій или представленій въ сознаніи съ большею ясностью выдѣляются лишь нѣкоторыя, и для большей ясности Вундтъ сравниваетъ сознаніе съ полемъ зрѣнія глаза: въ полѣ зрѣнія мы также имѣемъ болѣе и менѣе ясно воспринимаемыя зрительныя впечатлѣнія, въ зависимости отъ точки фиксаціи глазъ, почему Вундтъ употребляетъ по аналогіи и выраженіе «точка фиксаціи» сознанія. Нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности прибѣгать къ аналогіи такого рода. Въ каждый моментъ въ сознаніи нашемъ различаются болѣе ясныя и менѣе ясныя представленія и выраженіе «обратить вниманіе», т.е. стремиться сдѣлать представленія или воспріятія болѣе ясными, понятно въ настоящее время всякому.

Менѣе ясно воспринимаемое Вундтъ называетъ словомъ «перцепція», болѣе ясное—словомъ «апперцепція».

Апперцепція, слѣдовательно, то же самое, что вниманіе, т. е., по Вундту, особаго рода внутренняя дѣятельность.

Вслѣдствіе нѣкоторой неясности способа выраженія Вундта можетъ явиться предположеніе, что апперцепціей могутъ быть называемы также и самыя воспріятія или представленія, сознаваемыя съ

---

*) Вундтъ. Основанія фізіологической психологіи. Москва, 1880, стр. 748—852.

наибольшею ясностью. Такъ, напримѣръ, онъ употребляетъ фразу: «апперцепція одного изъ соперничающихъ представленій есть фактъ, опредѣляемый не представленіями, но дѣятельностью апперцепціи», такъ что какъ бы существуютъ два смысла для термина апперцепція. Но это происходитъ только отъ неясности выраженія. Апперцепція Вундта есть дѣятельность, и слово это безъ всякаго ущерба могло бы быть замѣнено словомъ «вниманіе», какъ это дѣлаетъ, впрочемъ, и самъ Вундтъ, говоря: «мы будемъ различать активную и пассивную апперцепцію, или активное и пассивное вниманіе».

Какъ пассивное, такъ и активное вниманіе или апперцепція опредѣляются внутреннею дѣятельностью, такъ что нельзя раздѣлять вниманіе на произвольное и непроизвольное. Разница заключается лишь въ томъ, что при непроизвольномъ вниманіи, или при пассивной апперцепціи, воспринимаются впечатлѣнія единичныя, не нарушаемыя и не вытѣсняемыя другими впечатлѣніями, такъ что при этомъ не происходитъ никакого выбора. При произвольномъ же вниманіи, или активной апперцепціи, всегда находится нѣсколько разнородныхъ впечатлѣній, которыя стремятся вытѣснить другъ друга, такъ что между ними какъ бы происходитъ выборъ. Выборъ этотъ всегда сопровождается особымъ чувствомъ напряженія, которое называютъ напряженіемъ вниманія. Ощущеніе напряженія вниманія обыкновенно появляется вмѣстѣ съ рядомъ иннервационныхъ ощущеній во лбу, въ ушахъ, въ глазахъ, отчего и произошло самое названіе «напряженное вниманіе». Въ наибольшей степени такое напряженіе вниманія наблюдается, когда какое-нибудь впечатлѣніе ожидается заранѣе.

Вліянія, отъ которыхъ зависитъ апперцепція, частью внѣшнія, частью внутреннія.

Къ внѣшнимъ относятся главнымъ образомъ: сила впечатлѣній, фиксированіе зрительныхъ объектовъ, движеніе глазъ по контурамъ предметовъ.

Внутреннія условія вниманія или апперцепціи заключаются въ томъ, что мы вызываемъ первоначально воспоминаніе, соответствующее воспринимаемому впечатлѣнію, которое такимъ образомъ сливается съ нимъ и вслѣдствіе того выигрываетъ въ ясности.

Апперцепція можетъ быть острою или тупою. Острою она будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда степень напряженія вниманія

вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ впечатлѣнія; въ противномъ случаѣ, она будетъ тупою. Ясность представленія, такимъ образомъ, обусловливается одновременно его силою и остротою апперцепціи. «Изъ явленій, представляемыхъ дѣятельностью апперцепціи, видно, что дѣятельность эта совпадаетъ съ тою функціею сознанія, которую мы, по отношенію къ внѣшнимъ движеніямъ, называемъ волею. Давно уже признано, что воля можетъ имѣть вліяніе на теченіе нашихъ представленій. Далѣе, изъ наблюденія извѣстно, что произвольнымъ напряженіемъ можно вызвать въ сознаніи опредѣленные образы воспоминанія и фантазіи, существенно усиливая ихъ устремленіемъ на нихъ вниманія. Эта способность, смотря по индивидуальности, различна. У многихъ людей она такъ развита, что образъ фантазіи принимаетъ наконецъ живость галлюцинаціи».

Апперцепція оказываетъ большое вліяніе и на теченіе и группировку представленій. Это именно и есть, по мнѣнію Вундта, тотъ регуляторъ, который не допускаетъ ассоціаціи группироваться безпорядочно, лишь по однимъ законамъ сходства и смежности.

Вся роль ассоціацій сводится къ тому, что онѣ представляютъ собою лишь матеріаль, изъ котораго дѣлаетъ затѣмъ выборъ апперцепція.

«Изъ множества возможныхъ ассоціаціонныхъ соединеній апперцепція выбираетъ соединенія надлежащія, причемъ представленія вступаютъ между собою въ тѣ же самыя соединенія, какъ и при ассоціаціи. Разница между ассоціативными и апперцептивными соединеніями и представленіями та же, что между активной и пассивной апперцепціей, — между фактомъ воли, вытекающимъ изъ одного мотива, и произвольнымъ дѣйствіемъ, или результатомъ выбора между многими мотивами. Кромѣ того, представленія, входящія въ процессъ апперцепціи, представляютъ высшія степени сліянія и конденсированія, т.-е. развиваются въ тѣ психическіе продукты, которые называются понятіями».

Я ограничусь приведенной характеристикой апперцепціи. Уже изъ сказаннаго очевидно, что вся психическая дѣятельность управляется, съ точки зрѣнія Вундта, этою силою, и въ дальнѣйшемъ мы нашли бы только разъясненіе того, какъ всякій отдѣльный психическій фактъ приурочивается къ этой дѣятельности.

Нужно сказать, что понятіе апперцепціи Вундта не такъ легко усваивается, такъ какъ оно находится въ значительномъ противо-

рѣчи съ тѣмъ анализомъ психическаго процесса, который, казалось бы, лежалъ въ основаніи предшествовавшихъ работъ Вундта. Поэтому понятіе объ апперцепціи должно быть усвоваемо путемъ тщательнаго обсужденія и анализа. Этимъ отчасти я и объясняю, что ученіе объ апперцепціи нашло себѣ большое число послѣдователей. То, что человѣкъ изучаетъ и понимаетъ, онъ весьма прочно удерживаетъ въ памяти. Прочно удержанное въ памяти сочетаніе идей, служащихъ объясненіемъ массѣ отдѣльных психическихъ фактовъ, естественно возникаетъ въ сознаніи всякій разъ, когда тотъ или другой изъ отдѣльных фактовъ представляется наблюденію, и идея апперцепціи возникаетъ, слѣдовательно, множество разъ, почему ее и привыкаютъ считать объясненіемъ.

Если я пытаюсь найти причину того, почему понятіе объ апперцепціи считается объясненіемъ психическаго процесса, то это происходитъ потому, что въ дѣйствительности это понятіе ничего не объясняетъ, и къ тому же ученіе объ апперцепціи находится въ противорѣчій съ основнымъ методомъ естествознанія, который заключается въ томъ, что объясненіе сложныхъ явленій должно производиться путемъ разложенія ихъ на явленія простыя, а не въ перемѣнѣ словъ, которыми обозначались эти сложныя явленія раньше.

Слово апперцепція замѣнило собою слово воля, причемъ какъ слово воля осталось безъ надлежащаго разъясненія, такъ и слово апперцепція не получило для своей характеристики ничего, что увеличивало бы это разъясненіе.

Изъ одной и той же корзинки, въ одно и то же время, одинъ взялъ себѣ яблоко, другой грушу, а третій ничего. Затѣмъ, взявшій яблоко положилъ его назадъ и взялъ апельсинъ.

Каждый могъ взять себѣ, однако, одинъ изъ нѣсколькихъ сортовъ фруктовъ, которые находились въ корзинкѣ. Значитъ, на лицо всѣ условія для выбора, который каждый и сдѣлалъ для себя, а положившій обратно яблоко сдѣлалъ этотъ выборъ даже два раза.

Слѣдовательно, воля проявила себя съ достаточною ясностью, и если мы спросимъ теперь, почему все совершилось такъ, а не иначе, то, по терминологіи Вундта, намъ надо сказать: каждый дѣйствовалъ подъ направляющимъ дѣйствіемъ активной апперцепціи, обусловившей актъ выбора.

По всей справедливости, такой отвѣтъ нельзя считать объясненіемъ, и я полагаю, что отвѣтъ замѣны понятій: вниманіе и воля словомъ «апперцепція» мы ничего не выигрываемъ.

Кромѣ того, апперцепція есть дѣятельность, не заключающаяся въ ассоціаціонномъ процессѣ, но какъ бы откуда то извнѣ регулирующая самый процессъ ассоціацій. Гдѣ же скрывается эта дѣятельность, или эта сила? Если она не заключается въ ассоціаціонныхъ соединеніяхъ, то для нея долженъ имѣться въ мозгу особый центръ, въ свою очередь соединенный съ остальными частями мозга. Если же нѣтъ ни того, ни другого, то апперцепція есть понятіе о силѣ безъ матеріальнаго основанія, безъ субстрата, то-есть понятіе чисто метафизическое, то, что называется *deus ex machina*,—сила, возникающая неизвѣстно откуда и все устраивающая и приводящая въ порядокъ.

Поэтому, на вопросъ, что придаетъ психическимъ процессамъ тотъ ходъ, который они имѣютъ въ дѣйствительности, и что устраняетъ возможность одновременнаго возникновенія беспорядочныхъ массъ ассоціацій, я не могу отвѣтить, что это дѣлаетъ апперцепція.

Въ человѣкѣ есть одна только сила, сила жизни, общая для него и всего живущаго, и единственный регуляторъ этой силы, существующій въ мірѣ, есть самъ внѣшній міръ.

Мы видѣли, какъ накаплиются впечатлѣнія, какъ они группируются между собою, какъ они сохраняются и въ какой связи восстанавливаются при повтореніи возбужденій.

Обратимъ теперь вниманіе на самыя внѣшнія возбужденія.

Нѣкоторыя изъ внѣшнихъ возбужденій оказываютъ свое дѣйствіе на внутренніе процессы только столько времени, сколько они существуютъ. Прекратится ихъ существованіе,—прекратится и ихъ вліяніе. Сверкнетъ мнѣ въ глаза лучъ солнца,—и я отодвинусь въ тѣнь. Не повторится возбужденіе, и мнѣ не будетъ повода повторять движеніе. Но на нѣкоторое время у меня останется воспоминаніе о бывшемъ возбужденіи. Память эта можетъ сохраняться даже очень долгое время, но, тѣмъ не менѣе, поводовъ для повторенія движенія все-таки уже существовать не будетъ.

Такого рода вліяніе присуще тѣмъ явленіямъ внѣшняго міра, которыя сами имѣютъ временный, случайный характеръ. Воспоминаніе въ такихъ случаяхъ переживаетъ самый фактъ.

Въ другихъ случаяхъ внѣшнія возбужденія продолжаютъ оказывать свое вліяніе и послѣ того, какъ они перестали дѣйствовать на органы чувствъ. Если мнѣ скажетъ кто-нибудь: «дайте мнѣ пить», то извѣстный рядъ психическихъ процессовъ будетъ совершаться у меня и послѣ того, какъ я пересталъ слышать этотъ голосъ, и воспоминаніе объ услышанномъ мною можетъ повести за собой рядъ дѣйствій. Это бываетъ по отношенію къ тѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя не прекращаютъ своего существованія съ прекращеніемъ исходящаго отъ нихъ возбужденія. Здѣсь, слѣдовательно, въ мозгу совершается также ассоціація по одновременности, какъ и въ другихъ послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ. Хотя у меня и осталось только воспоминаніе о возбужденіи, но это воспоминаніе относится къ реальному, продолжающему существовать факту. Это обстоятельство и за полученнымъ импульсомъ сохраняетъ его значеніе импульса.

Наконецъ, существуютъ возбужденія, прекращающіяся и вновь возникающія, которыя относятся къ постояннымъ условіямъ нашей жизни. Такія возбужденія могутъ быть стимулами для извѣстнаго ряда психическихъ процессовъ, или перемежающихся въ зависимости отъ возникновенія возбужденій, или постоянныхъ въ зависимости отъ воспоминанія, которое будетъ относиться къ нѣкоторымъ постоянно существующимъ фактамъ.

Хорошимъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ, всѣмъ извѣстный: какъ только является какое-нибудь народное бѣдствіе, эпидемія, напримѣръ, тотчасъ всѣ усилія всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу направляются на борьбу съ этой эпидеміей. Каждый спѣшитъ въ то же время обезопасить себя и готовъ даже на значительныя жертвы: эпидемія существуетъ, и съ ней необходима непосредственная борьба. Черезъ нѣкоторое время эпидемія прекратилась, и почти вслѣдъ затѣмъ прекратились и усилія противъ нея, и самая мысль о ней становится блѣдной. Переставшее дѣйствовать внѣшнее вліяніе исчезло, исчезла и реакція. Все забывается въ большей или меньшей степени, и ничто не забывается такъ прочно и такъ легко, какъ разрушенія, причиненныя смертію. Но вслѣдъ за тѣмъ въ другой мѣстности вспыхнула новая эпидемія. Часть лицъ, боровшихся съ первой, ведутъ борьбу и со второй. Для этихъ лицъ общественное бѣдствіе не уничтожилось, но лишь замѣнилось другимъ. Затѣмъ опять новая эпидемія и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, у тѣхъ,

которымъ приходится постоянно бороться съ такого рода бѣдствіями, создается группа ассоціаций, имѣющихъ отношеніе уже не къ одной какой-нибудь эпидеміи, а къ эпидеміямъ вообще, и устанавливается идея, что эпидеміи и болѣзни есть постоянное зло, съ которымъ и бороться надо, разъ борьба вообще возможна, постоянно. Эта идея остается, когда эпидемія, непосредственная причина этой идеи, уже прекратилась совсѣмъ и когда для данной мѣстности наступилъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ отдыха. Слѣдовательно, отъ ряда повторяющихся импульсовъ къ дѣятельности остался постоянный слѣдъ, находящійся въ прямой зависимости отъ характера внѣшняго явленія: этотъ характеръ есть неизбѣжность повторенія, которая представляетъ собою фактъ постоянно существующій.

И здѣсь, слѣдовательно, возникла ассоціация по одновременности.

Наконецъ, существуютъ внѣшнія возбужденія, которыя подѣйствовали одинъ или нѣсколько разъ, затѣмъ никогда болѣе не повторялись, но которыя продолжаютъ оказывать свое вліяніе въ теченіе всей жизни человѣка. Чаше всего вліяніе такихъ возбужденій поддерживается аналогичными послѣдующими возбужденіями. Таковы, напримѣръ, вліянія воспитанія и примѣра, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ остаются постоянными руководящими моментами въ дѣятельности и въ распредѣленіи психическихъ процессовъ. Такія вліянія сохраняютъ свое дѣйствіе именно потому, что они постоянно поддерживаются въ дальнѣйшей жизни примѣрами и рѣчами другихъ людей. Видоизмѣненія этихъ первоначальныхъ вліяній, въ зависимости отъ различія источниковъ, обуславливаютъ собою и тѣ видоизмѣненія дѣятельности и психическаго содержанія, которыя обыкновенно наблюдаются у человѣка въ теченіе жизни.

Таковы внѣшнія вліянія. Къ нимъ нужно прибавить безчисленное множество разнообразнѣйшихъ импульсовъ, получаемыхъ нами отъ другихъ людей въ законченномъ, обработанномъ видѣ, въ формѣ словъ, услышанныхъ или прочтенныхъ. Великое значеніе слова не требуетъ разъясненія, и здѣсь довольно упомянуть лишь о томъ, что нерѣдко такими готовыми импульсами опредѣляется почти все психическое содержаніе, которое, естественно, и оказывается иногда весьма случайнымъ и непрочнымъ.

Внутреннимъ условіемъ того, что процессы совершаются въ

извѣстной послѣдовательности и извѣстной зависимости, служить свойство дѣятельности центральной нервной системы, которое выражается въ томъ, что одинъ совершающійся въ мозгу процессъ вытѣсняетъ другой, не соединенный съ нимъ ассоціационными путями. Мы видѣли, что это вытѣсненіе происходитъ, благодаря функциональной гипереміи, которая имѣетъ рѣшающее вліяніе на процессы, находящіеся между собою въ малой ассоціационной связи. Теперь намъ остается только добавить, что та же гиперемія регулируетъ и такъ называемый выборъ ассоціаций.

Напримѣръ, одинъ разъ увидѣвъ апельсинъ, я тотчасъ вспоминаю корзинку, тарелочку, ножикъ для фруктовъ. Другой разъ тотъ же апельсинъ вызоветъ въ моемъ воспоминаніи лотокъ и фигуру разнощика, уголь Кузнецкаго Моста, картину яснаго солнечнаго дня.

Ассоціаціи живутъ въ нашемъ мозгу группами, и каждой группѣ соответствуетъ свое физиологическое состояніе, своя функциональная гиперемія, и величайшій недостатокъ анализовъ ассоціаций, который мы встрѣчаемъ даже у опытныхъ и свѣдущихъ авторовъ, заключается въ томъ, что они стремятся устанавливать связь между отдѣльными воспріятіями тамъ, гдѣ существуетъ только связь между группами и гдѣ между отдѣльными воспріятіями въ дѣйствительности нѣтъ никакой связи.

Такъ, напримѣръ, для объясненія, почему при взглядѣ на тучу у насъ является представленіе о зонтѣ, Ціэнъ *) разсуждаетъ такъ. «Я вижу черную тучу. Ассоціація воспринимаетъ это ощущеніе и присоединяетъ къ нему цѣлый рядъ представлений, между прочимъ, также и представленіе дождя. Къ этому представленію присоединяются безчисленныя другія, такъ что надъ порогомъ сознанія постоянно поднимаются или воспроизводятся скрытые образы воспоминанія. За ощущеніемъ черной тучи слѣдуетъ сперва представленіе дождя, а затѣмъ—представленія о желательности возвратиться домой и раскрыть зонтикъ».

Я привожу этотъ примѣръ потому, что онъ очень типиченъ.

Въ дѣйствительности дѣло никогда не происходитъ такимъ образомъ. Каждый изъ насъ видѣлъ безчисленное множество разъ черныя тучи и каждый знаетъ, что одинъ разъ туча вызвала

*) Ціэнъ. Физиологическая психологія. Спб. 1893.

представленіе о томъ, какъ вы были на охотѣ и промокли до костей, другой разъ такая же туча вызвала воспоминаніе о томъ, какъ вы однажды возвратились за полторы версты съ прогулки, чтобы взять зонтикъ, и дождя однако не было, а зонтикъ вы потеряли. Въ третій разъ такая же туча напомнитъ вамъ, какъ однажды, спасаясь отъ дождя, вы забрались въ татарскую избу въ далекой глуши Россіи и татаринъ спрашивалъ васъ, правда ли, что Москва имѣетъ 40 верстъ въ ширину и 60 въ длину?... Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ вы ничего не вспомните. На мгновеніе, при взглядѣ на тучу, у васъ мелькнетъ мысль: пожалуй, будетъ дождь, — и далеко не всегда вы возьмете поэтому зонтикъ. Весьма возможно, что вы тотчасъ же и забудете объ этой тучѣ, и мысль ваша опять направится къ тому, чѣмъ была занята, къ больному, къ которому вы ѣдете, къ вопросу, который вы разрѣшаете.

Между тѣмъ, воспріятіе тучи, дѣйствительно, могло бы связаться съ безчисленнымъ множествомъ представленій, и если этого не происходитъ, то именно потому, что ассоціаціи возникаютъ цѣлыми группами, изъ которыхъ каждой соответствуетъ определенная функциональная гиперемія, во-первыхъ; во-вторыхъ, потому, что стимулами, получаемыми изъ внѣшняго міра, служатъ не только непосредственныя воспріятія, но также и возбужденія, полученныя раньше. То возбужденіе, которое въ данный моментъ окажется сильнѣе, и дастъ направленіе мыслямъ; тѣ группы ассоціацій, которыя находятся между собою въ ближайшей связи, и будутъ возникать въ сознаніи.

При этомъ необходимо помнить, что возникающія ассоціаціонныя группы никогда не соответствуютъ вполнѣ дѣйствительнымъ, подѣйствовавшимъ когда-то впечатлѣніямъ, но одна и та же группа ассоціацій, возникая нѣсколько разъ, каждый разъ можетъ возникать съ нѣкоторыми переменными.

Это происходитъ отъ того, что вторичное возникновеніе функциональной гипереміи въ томъ же точно видѣ, какъ и первый разъ, нарушается, во-первыхъ, не всегда одинаковою дѣятельностью сосудистаго центра, вслѣдствіе чего въ распредѣленіи крови можетъ быть незначительная разница. Во-вторыхъ, питаніе нервныхъ элементовъ не всегда одинаково и не всегда равномерно, такъ что при одинаковомъ распредѣленіи крови все-таки будетъ невозможна совершенно одинаковая съ прежней дѣятель-

ность клѣтокъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени въ клѣткахъ проходятъ нѣкоторыя измѣненія тѣхъ слѣдовъ, которые были оставлены первоначальными возбужденіями, что опять-таки нарушаетъ правильность и точность воспроизведенія.

Между тѣмъ, группы ассоціаций связываются между собою, какъ мы видѣли, послѣдовательною связью. Въ то же время внѣшнія возбужденія повторяются не въ томъ же порядкѣ, какъ раньше, — напротивъ, безконечное разнообразіе природы и жизни дѣлаетъ вторичное переживаніе однихъ и тѣхъ же положеній съ детальными подробностями — невозможнымъ. Вслѣдствіе неправильнаго повторенія внѣшнихъ возбужденій, группы ассоціаций возникаютъ вновь въ неодинаковой послѣдовательности, чѣмъ и объясняется то, что онѣ связываются между собою второй и третій разъ уже иначе, чѣмъ въ первый.

Такимъ путемъ происходитъ перераспредѣленіе ассоціаций и возникновеніе въ сознаніи совершенно новыхъ, никогда не бывшихъ тамъ раньше сочетаній. Поэтому, при возстановленіи такихъ группъ, вновь соединенныхъ между собою, мы можемъ получить иногда соединенія, не имѣющія себѣ въ дѣйствительности никакого соотвѣтствія, напримѣръ, вообразить себѣ локомотивъ, идущій по морю. Это называется продуктомъ фантазіи и есть не что иное, какъ соединеніе по одновременности двухъ не имѣющихъ ничего между собою общаго элементовъ двухъ различныхъ ассоціационныхъ группъ, связавшихся по непосредственной послѣдовательности, которая, повторяю еще разъ, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная одновременность.

Но обычнымъ образомъ мозговая дѣятельность приурочивается къ дѣйствительно вліяющимъ на насъ возбужденіямъ. Возбуждающіяся при этомъ ассоціационныя сочетанія возникаютъ или въ первоначальной формѣ, или по вновь происшедшимъ вполнѣдствіи перераспредѣленіямъ и цѣликомъ и частью сплетаются между собою вновь. Весьма рѣдко при этомъ происходитъ точное возстановленіе первоначальныхъ отдѣльныхъ возбужденій по только что указаннымъ основаніямъ, и образующіеся вновь продукты ассоціаций являются иногда въ видѣ совершенно новыхъ образовъ и соединеній. Это уже творческіе акты.

Творчество присуще не только избранныкамъ. Это — свойство, общее для всѣхъ людей, но продукты творчества весьма различны. Отъ грубыхъ орудій дикаря до поражающихъ построекъ и

машинъ современнаго цивилизованнаго человѣка, мы проходимъ черезъ рядъ продуктовъ творчества, во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ видахъ ежеминутно проявляющаго себя въ жизни. Человѣкъ не можетъ не творить. Изъ этого слѣдуетъ и тотъ выводъ, что человѣческій мозгъ никакъ не представляетъ собою фонографъ, какъ любятъ сравнивать нѣкоторые, или фотографическую пластинку, точно сохраняющую и точно и всегда одинаково воспроизводящую полученное впечатлѣніе. Если уже нужно сравненіе, какъ символъ объясненія, то человѣческій мозгъ надо сравнить съ неправильнымъ зеркаломъ. Далеко не всѣ предметы отражаются въ неправильномъ зеркалѣ въ видѣ изуродованныхъ фигуръ. Среди безконечнаго разнообразія отраженій окажутся и такія, которыя точно будутъ соответствовать дѣйствительности; другія, воспроизводя въ совершенно измѣненномъ видѣ существующую въ дѣйствительности красоту и симметрію, тѣмъ не менѣе имѣютъ свою новую красоту и симметрію; третьи, наконецъ, отражаются въ видѣ предметовъ, весьма похожихъ на существующіе въ дѣйствительности предметы, которыхъ, впрочемъ, нѣтъ на-лицо, и т. д.

И всѣ эти вмѣстѣ взятые, столь разнообразныя процессы представляютъ собою лишь реакцію на внѣшнія возбужденія.

Невозможность вполнѣ точнаго воспроизведенія полученныхъ возбужденій и чрезвычайная трудность воспроизведенія, болѣе или менѣе приближающагося къ дѣйствительности, хорошо выясняются по отношенію къ подражанію.

Стремленіе къ подражанію представляетъ собою основное свойство психической природы человѣка, одинъ изъ наиболѣе чистыхъ мозговыхъ рефлексовъ.

Побуждаемый этимъ стремленіемъ, человѣкъ старается возможно точнѣе воспроизвести въ себѣ то, что онъ видитъ въ другихъ людяхъ. Но уже на первыхъ шагахъ самаго элементарнаго подражанія встрѣчаются непреодолимая трудности: костюмъ, который такъ нравился на другомъ, оказывается совсѣмъ неподходящимъ къ тому, кто хочетъ подражать, вслѣдствіе особенностей роста и анатомическаго строенія. Прическа, такъ украшающая оригиналь, совершенно безобразитъ копію. Между тѣмъ, только въ зеркало, и то въ весьма несовершенномъ видѣ, человѣкъ видитъ все несоотвѣтствіе своихъ стремленій съ дѣйствительностью, но не всегда понимаетъ это и успокоивается на томъ, чего могъ достигъ.

Далѣ затрудненія еще больше. Особенная интонація также повторяется, особыя слова, вставныя преимущественно, повторяются съ большою легкостью, но тѣмъ не менѣе всегда между оригиналомъ и копіей будетъ весьма большая разница, которая сгладится только продолжительными усиліями и безчисленнымъ множествомъ побочныхъ вліяній. И если подражаніе удастся легко и быстро, это значитъ обыкновенно, что внутреннія свойства оказались одинаковы, т. е. что оба человѣка, оригиналъ и копія, принадлежатъ къ одному типу, — иначе самыя большія усилія самыхъ понятливыхъ людей не приведутъ къ желаемому результату, какъ, на примѣръ, это можно видѣть на иностранцахъ, у которыхъ очень долго, несмотря на всѣ ихъ усилія, остаются особенности, выдающія ихъ принадлежность къ другому народу.

Въ этомъ отношеніи безъ труда могутъ быть установлены нѣкоторые типы подражанія, сообразно тому, что было сказано нами раньше объ источникахъ происхожденія нашихъ идей.

Тѣ, кто болѣе живетъ впечатлѣніями непосредственно воспринимаемыми, будутъ и первыми въ дѣлѣ подражанія.

Тѣ, кто больше руководствуется впечатлѣніями прежде полученными и болѣе или менѣе стойко установившимися, будутъ съ недоумѣніемъ относиться къ новымъ вліяніямъ и будутъ менѣе сильно воспринимать вліянія непосредственныя. Иногда подъ вліяніемъ преобладанія традиціонныхъ вѣрованій и воззрѣній, такой человѣкъ будетъ даже остерегаться допускать до себя новыя впечатлѣнія, зная хорошо ихъ вліяніе въ смыслѣ стремленія къ подражанію. Это, обыкновенно, люди, живущіе прошедшимъ, хранители преданій и нерѣдко враги прогресса.

И во многихъ другихъ отношеніяхъ можно бы воспользоваться приведенными соображеніями въ смыслѣ практическихъ выводовъ, но я предоставляю это читателю.

А. Тонарскій.
